Изданіе В. Яковенко.

W 445/100
№ 22

Я БИБЛІОТЕКА ДЛЯ НАРОДА.
41 книжка).

№ 22.

ТАЙГА и ТУНДРА.

В. ЛУНКЕВИЧА.

съ 24 рисунками въ текстѣ.

6-е изданіе.

Цѣна 14 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19.

1912.

op

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ НАРОДА.

W 445/100

№. 22.

Г 9

ТАЙГА и ТУНДРА.

В. ЛУНКЕВИЧА.

съ 24 рисунками въ текстѣ.

6-е изданіе.

810
10 МАР.

Цѣна 14 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. Яковенко.
1912.

ОТДѢЛ ПО БИБЛІОТЕЧНОМУ ДѢЛУ
ПОЛУЧЕНО
ИМ. А. Л. ШАНЯВСКАГО

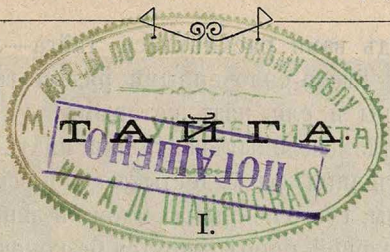
Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
42948-57

5230а

Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19.

ф

ТАЙГА и ТУНДРА.



ТАЙГА.

I.

Сибирскіе лѣса.

Кто не слыхалъ хоть что-нибудь про великіе сибирскіе лѣса? Тянутся они широкою полосой въ нѣсколько сотъ верстъ съ запада на востокъ, отъ Уральскихъ горъ вплоть до Великаго океана. На сѣверѣ они граничатъ съ холодною, пустынною равниной; на югъ отъ нихъ лежатъ сибирскіе луга и пашни. Три огромнѣйшихъ рѣки—Обь, Енисей и Лена—разсѣкаютъ непроходимыя чащи сибирскихъ лѣсовъ, неся спокойно свои воды въ сѣверный Ледовитый океанъ. Здѣсь обширное царство нетронутыхъ рукою человѣка дремучихъ лѣсовъ. Кто рѣшится сказать, что онъ знаетъ досконально это царство? Кто станетъ утверждать, что изучилъ и вдоль и поперекъ величественную, но дикую сибирскую тайгу? Никто. Человѣкъ не властенъ надъ нею! Онъ покорилъ лишь небольшіе участки тайги, расчистилъ ее кое-какъ съ большимъ трудомъ отъ деревьевъ, пробрался въ глубь ея всего лишь на какую-нибудь сотню верстъ, но дальше итти не рѣшается, да и не въ силахъ. Только смѣлый охотникъ-звѣроловъ, или горемычный бродяга, бѣжавшій съ каторги на «волю», да отважный путешественникъ забираются порою въ лѣсную глушь: одинъ—въ погонѣ за дорогою дичью, другой—съ отчаянья или изъ любви къ свободѣ, а третій—съ цѣлью изучить тайгу и разсказать другимъ все то, что онъ нашелъ въ ней и видѣлъ. Благодаря разсказамъ всѣхъ этихъ вольныхъ и невольныхъ посѣтителей тайги, мы знаемъ многое и про сибирскіе лѣса...

Вотъ передъ вами раскинулась тайга—необозримый, дремучій лѣсъ. Тѣсно сплоченными рядами стоятъ высокоствольныя сосны и ели, надъ которыми то тамъ, то здѣсь подымаются свѣтлозеленыя верхушки пихтъ и закругленныя зеленыя шапки раскидистыхъ сибирскихъ кедровъ. Мощные стволы, густо покрытые мхомъ и лишаями, словно богатыри въ зеленой бронѣ, тянутся безконечными рядами. Верхушки ихъ спутаны, вѣтви сплетаются, обхватываютъ другъ друга и преграждаютъ путь солнечнымъ лучамъ. Въ тайгѣ царитъ вѣчный полумракъ. Влажная почва покрыта сплошнымъ ковромъ изъ мховъ. На немъ разсыпаны кустики брусники, черники, морошки, поленики. Высокій перисто-листный папоротникъ чередуется съ густо-разросшимися кустами малины и можжевельника. Дикій хмель ползетъ по деревьямъ, цѣпляясь за вѣтви ихъ и украшая своею зеленью полуистлѣвшіе, старые стволы. Среди могучихъ, строевыхъ деревьевъ виднѣются кое-гдѣ кудрявыя березки, осины, ивы; даже черемуха съ рябиной забрели сюда, въ эту тоскливую лѣсную глушь, Богъ вѣсть зачѣмъ и какъ. И тянутся эти плотныя насажденія на десятки и сотни верстъ, пока рѣка, обширное болото, озеро или выжженная пожаромъ плѣшь не перервутъ имъ путь. А дальше опять идетъ все тотъ же лѣсъ—могучій, безпредѣльный, непроходимый. Мѣстами деревья просто душатъ другъ друга. Имъ некуда расти: стволы искривлены, вѣтви перепутаны и образовали прямо-таки недоступную ни для людей, ни для звѣрей чащу. И вдругъ среди такой чащи открывается просторная поляна. Ягодные кусты, мохъ, лишайники и папоротникъ одѣваютъ почву. Кругомъ видны обгорѣлые пни. Подлѣ нихъ только-что пробившаяся изъ-подъ земли молодая поросль. Вы догадываетесь, что здѣсь нѣкогда былъ пожаръ. Разразилась, должно быть, сильная гроза, молнія ударила въ высокую сосну, лѣсъ загорѣлся, и огонь рас-

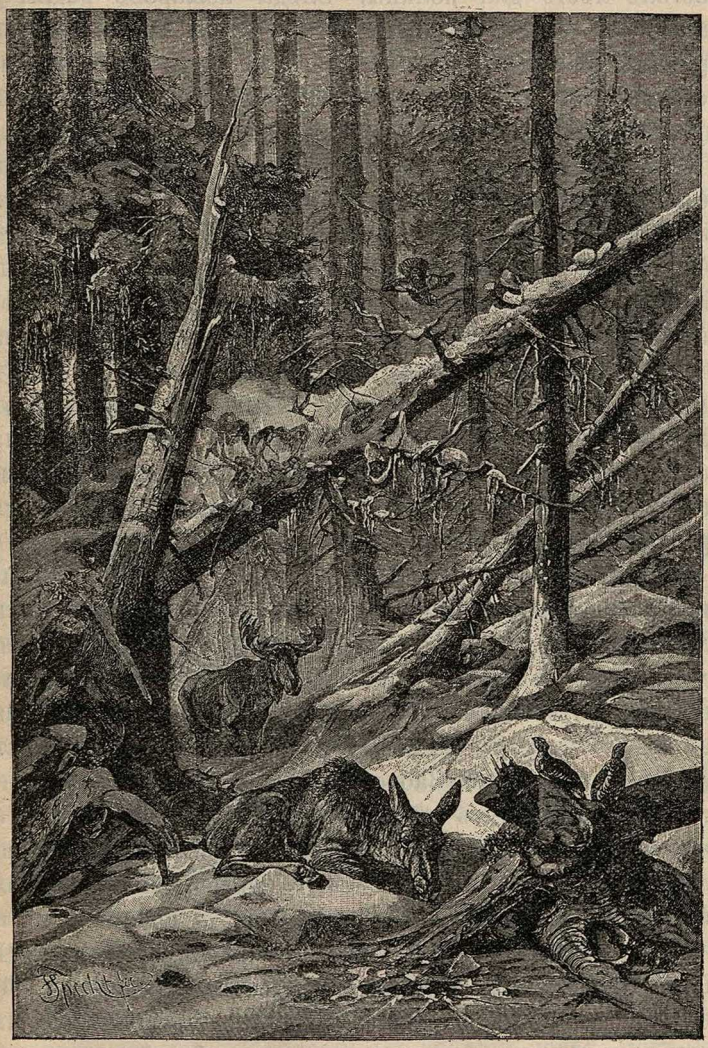


Рис. 1.—Одинъ изъ уголковъ тайги.

чистилъ мѣсто для поляны. Слѣды пожаровъ видны и дальше въ глубинѣ тайги (лѣса). Среди деревьевъ, покрытыхъ еще живою хвоей, торчатъ обугленные черные мертвецы, то совершенно голые, безъ хвои, безъ вѣтвей, то закоптѣлые—съ жалкою побурѣвшею верхушкой...

Сибирская тайга небогата породами деревьевъ, но тѣмъ не менѣе она не вездѣ выглядитъ одинаково. Обширныя *равнины*, поросшія густымъ хвойнымъ лѣсомъ, чередуются съ рѣчными *долинами*, въ которыхъ ива, береза и осина вытѣснили собою почти всѣ другія деревья. Въ такихъ мѣстахъ сплошныя чащи изъ ивъ тянутся иной разъ на десятки верстъ въ длину, и кажется тогда, что нѣтъ имъ конца. Но вотъ долина смѣняется грядою горъ или высокихъ, закругленныхъ холмовъ; за ними пошла опять низина или глубокая котловина, тамъ снова—гладкая равнина или ряды холмовъ. Одинъ бугоръ возвышается красиво надъ другимъ; межъ ними впадины и сѣдловины—и все это одѣто въ роскошный зеленый нарядъ. Лѣсъ забирается на гребни горъ, переваливаетъ черезъ верхушки ихъ, спускается въ ложбины, забѣгаетъ въ глухія ущелья, зеленой змѣйкой извивается среди гряды холмовъ и, наконецъ, опять сливается съ дремучей чащей, лежащей на равнинѣ. Всюду лѣсъ, всюду непроходимая глушь! Какъ тутъ не заблудиться? Забредши въ такую глушь, путешественникъ чувствуетъ себя временами ничуть не лучше того сказочнаго витязя, предъ которымъ открыты три дороги, одинаково безнадежныя и опасныя: пойдешь налѣво—коня потеряешь, направо—самъ пропадешь, а прямо—такъ и безъ коня останешься, и самъ не вернешься! Какъ тутъ быть? Пробираться сквозь строй высокихъ сосенъ и елей, не зная самъ, куда придешь,—и жутко, и невозможно: на пути то и дѣло встрѣчаются поваленные бурей стволы, каменныя глыбы, рытвины и ямы; пуститься по тропинкѣ,

пробитой лѣсными животными, тоже не особенно пріятно: тропинокъ много, а кто ихъ знаетъ, куда ведутъ онѣ? Даже по полянамъ и лыскамъ приходится итти съ остраткой: того и гляди, провалишься въ глубокую яму или въ лужу, подернутую тиной. Словомъ, тайга ставитъ путникамъ на каждомъ шагу всевозможныя препятствія. Немудрено, значитъ, что не всякій рѣшается пробраться въ нее. Впрочемъ, зимою она становится доступнѣе. Въ это время болота, топи и ручьи замерзаютъ, а снѣгъ толстымъ слоемъ покрываетъ почву и выравниваетъ ямы...

Въ лѣсахъ жаркихъ странъ и даже въ нашихъ лѣсахъ всюду чувствуется жизнь. Не то—въ тайгѣ. Иной разъ кажется, будто она совсѣмъ мертва: такая въ ней царитъ ужасная тишина. Не видно ни звѣрей, ни птицъ, не слышно никакихъ голосовъ, развѣ зашумитъ уныло самъ лѣсъ при дуновеніи легкаго вѣтерка, или заскрипятъ могучіе стволы по власти грозной бури. Куда же разбрелись всѣ жильцы тайги? Вѣдь въ ней живутъ и рябчики, и тетерева, и бѣлки, и зайцы, и лисицы, и куницы, и волки, и многія иныя пернатыя и четвероногія твари? Но удивляться нечего. Тайга—неизмѣримо велика. Здѣсь, смотришь, она и въ самомъ дѣлѣ почти совсѣмъ пустынна и безжизненна; за то въ другихъ мѣстахъ обильно населена и птицами, и пушными звѣрями. Ея жильцы—народъ все непосѣдливый, кочевой: нынче они устраиваются въ дремучей чащѣ, а завтра перебираются къ рѣчнымъ долинамъ; чаще же всего они ютятся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ старый лѣсъ ужъ порѣдѣлъ или совсѣмъ погибъ отъ пожаровъ. Густая трава и ягодные кусты служатъ приманкою для многихъ животныхъ тайги; а вѣдь хорошо извѣстно, что и трава, и низкорослый кустарникъ отлично растутъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ огонь пожралъ деревья, удобривши ихъ пепломъ почву. Вотъ почему не только травоядныя животныя, но и хищники,

въ родѣ соболей, лисицъ, волковъ и медвѣдей, такъ охотно посѣщаютъ пожарища сибирской тайги. Однако и въ самомъ лѣсу можно встрѣтить довольно крупныхъ животныхъ,— только не всегда и не вездѣ. Въ числѣ такихъ животныхъ

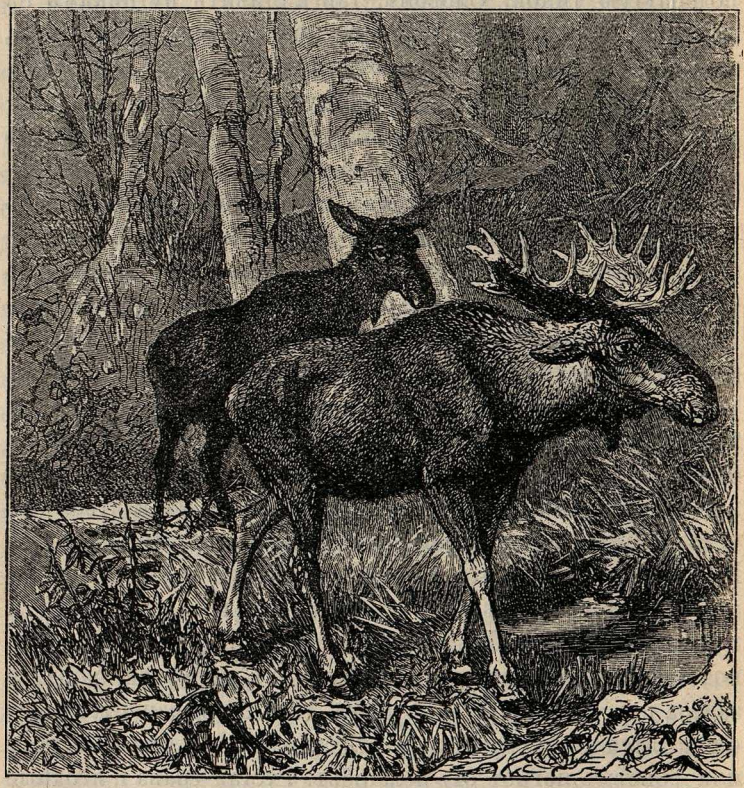


Рис. 2.—Лось.

на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить лося и благороднаго оленя—марала. Первый изъ нихъ нескладно сложенъ, тяжеловатъ и неуклюжъ, хотя выносливъ и силенъ; второй—красивъ и статенъ, чрезвычайно ловокъ, но въ то же время

пугливъ и даже трусливъ. Оба они любятъ лѣсную чащу, питаются травой и ведутъ бродячій образъ жизни; оба много терпятъ отъ преслѣдованій различныхъ хищниковъ, а также и людей. Волки охотятся на лосей и мараловъ то въ одиночку, то цѣлою гурьбой; медвѣдь и рысь (животное изъ породы дикихъ кошекъ) частенько отваживаются нападать на лося, но онъ отбивается отъ нихъ весьма искусно и ногами, и рогами; маралъ же при стычкахъ съ этими хищниками нерѣдко остается побѣжденнымъ. Самымъ безжалостнымъ и опаснымъ врагомъ какъ лося, такъ и марала оказывается человѣкъ. Сибирскіе охотники не дорожатъ мясомъ лосей и бьютъ ихъ главнымъ образомъ ради шкуры, которая пускается въ продажу; что касается мараловъ, то между ними особенно цѣнятся такіе, у которыхъ только-что пробиваются рога: изъ молодыхъ роговъ знахари приготовляютъ какое-то цѣлебное снадобье, которое китайцы покупаютъ за большую плату...

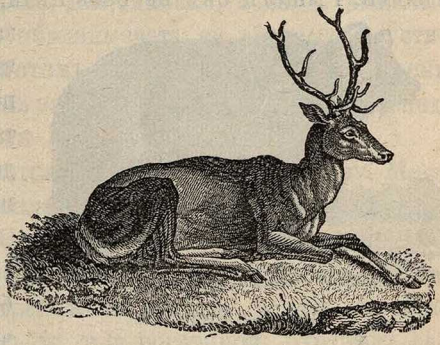


Рис. 3. Благородный олень.

Итакъ, тайга на самомъ дѣлѣ не пустынна: въ ней много разнообразныхъ жителей, но только они ютятся лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайги.

II.

Пушные звѣри.

Тайга даетъ пріютъ и пропитаніе очень многимъ животнымъ, среди которыхъ большинство—истые хищники. Жизнь

и нравы ихъ весьма любопытны. Думаю поэтому, что и намъ съ вами не мѣшаетъ познакомиться съ ними поближе. Среди звѣрья, поселившагося въ тайгѣ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Топтыгина. Съ него-то и начнемъ свой разсказъ.

Сибирскій медвѣдь—животное суровое и грубое. Всю весну и лѣто онъ бродитъ по тайгѣ, то забираясь въ самые глухіе уголки ея, то приближаясь къ мѣстамъ, населеннымъ людьми. Рыщетъ онъ не безъ цѣли, конечно; главная его забота сводится къ тому, чтобы быть сытымъ, и потому онъ выбираетъ такія мѣста, гдѣ есть надежда поживиться лакомою добычей.

Рис. 4.—Медвѣдь.

Въ пищѣ медвѣдь не разборчивъ, лишь бы было ея побольше: нынче пробавляется ягодами и кедровыми орѣхами, завтра преслѣдуетъ различныхъ животныхъ, а тамъ, смотришь,—не побрезгалъ и падалью.

Весною, когда въ лѣсу нѣтъ еще ни ягодъ, ни плодовъ, медвѣдь пробирается поближе къ человѣческому жилью, устраиваетъ тутъ засаду на домашнихъ животныхъ и расправляется съ ними по своему: валитъ добычу наземь ударомъ своей сильной лапы, душитъ ее и, наѣвшись до сыта, зарываетъ про запасъ въ землю остатки отъ трапезы. Когда на поляхъ заколосится рожь или пшеница, онъ покидаетъ тайгу, забирается въ жито и ублажаетъ себя свѣжимъ хлѣбнымъ зерномъ. Осенью въ лѣсу онъ собираетъ спѣлыя ягоды, а также съ большимъ искусствомъ лазаетъ на деревья и лакомится ихъ плодами. Но и этого оказывается ему мало: медвѣдь считаетъ своимъ кровнымъ достояніемъ и улья дикихъ пчелъ, и муравьи-

ныя гнѣзда, и насѣкомыхъ, и червяковъ,—и уничтожаетъ все это, такъ сказать, мимоходомъ; отчего, въ самомъ дѣлѣ, не потѣшить себя, тѣмъ болѣе, что въ тайгѣ всего этого добра не мало—хоть отбавляй!

Нагулявшись вволю, медвѣдь ищетъ, гдѣ бы залечь ему на зимній отдыхъ. И тутъ онъ старается устроиться возможно удобнѣе; ему нужны укромный уголокъ и мягкая постель. Намѣтивши мѣсто для зимовки, медвѣдь выкапываетъ небольшую яму, обкладываетъ ее вѣтвями и устилаетъ мягкимъ мхомъ; потомъ, расположившись въ своемъ логовищѣ поудобнѣе, онъ засыпаетъ съ тѣмъ, чтобы весною приняться снова за свои обыкновенныя продѣлки.

Но не всегда ему дается спокойно провести зиму. Мясо у него вкусное, шуба теплая, зубы и когти дорого цѣнятся нѣкоторыми жителями Сибири: по мнѣнію остяка, рѣзцовый зубъ медвѣдя придаетъ охотнику отвагу и силу; все это заставляетъ сибиряковъ тревожить медвѣдя и идти на него охотою. Запасшись ружьемъ или рогатиной, охотникъ нападаетъ на отяжелѣвшаго отъ спячки медвѣдя, выгоняетъ его изъ зимней берлоги и мѣткимъ ударомъ изъ ружья кладетъ на мѣстѣ. Не мало грозныхъ стычекъ съ медвѣдями пришлось выдержать сибирскимъ охотникамъ; не мало медвѣдей ужъ истребили они; но, несмотря на это, въ сибирской тайгѣ попрежнему ихъ водится довольно много.

Еще усерднѣе преслѣдуютъ сибиряки волковъ, такъ какъ эта зловредная порода хищниковъ не даетъ покоя стадамъ домашнихъ животныхъ. То въ одиночку, то цѣлою гурьбой, и днемъ и ночью, на открытыхъ пастбищахъ, у проѣзжихъ дорогъ, въ лѣсной глуши, а иногда и подлѣ самаго жилья людей эти хищные бродяги преслѣдуютъ рогатый скотъ и лошадей, за что и получаютъ должную оплату отъ мѣстныхъ жителей.

Едва ли стоитъ прибавлять, что въ тайгѣ, на ряду съ

медвѣдемъ и волкомъ, ведетъ свое разбойничье ремесло и лисица. Однако каждый изъ васъ, навѣрное, слыхалъ такое множество разсказовъ про эту «кумушку-плутовку», что я считаю лишнимъ распространяться здѣсь о ея житьѣ-бытьѣ и нравѣ; тѣмъ болѣе, что тайга славится иными хищниками, о которыхъ сейчасъ и будетъ рѣчь.

Куница, соболь, хорекъ и горностай—вотъ драгоцѣнные обитатели тайги [1]). Эти «пушные звѣри» привлекаютъ въ дремучіе сибирскіе лѣса множество охотниковъ; ихъ дорогіе, мягкіе мѣха цѣлыми кипами вывозятся ежегодно изъ Сибири и поступаютъ на рынки всѣхъ странъ, гдѣ и имѣютъ отличный сбытъ.

Рис. 5.—Куница.

Лѣсная глушь, уединенныя и темныя чащи—любимое мѣстообиталище куницъ. Онѣ проводятъ дни свои на деревьяхъ, по которымъ лазаютъ такъ искусно, что никакой другой хищникъ не можетъ въ этомъ поспорить съ ними. Жилищемъ ихъ служатъ дупла деревьевъ и заброшенныя гнѣзда нѣкоторыхъ крупныхъ птицъ. Куница рѣдко выходитъ на охоту днемъ. Но лишь только спустятся на землю сумерки, она оставляетъ свое логовище и принимается за дѣло. Зайцы, бѣлки, взрослые тетерева, рябчики и куропатки, а также ихъ птенцы составляютъ ея излюбленную добычу. Когда куницѣ не удается поживиться крупною дичью, тогда она пробавляется водяными крысами и мышами, или же собираетъ съ деревьевъ ягоды и плоды. Выйдя на охоту, она осторожно крадется къ прикурнувшей на вѣткѣ бѣлкѣ

[1]) Всѣ эти животныя встрѣчаются не только въ сибирской тайгѣ, но и въ иныхъ мѣстахъ и странахъ.

или къ гнѣзду съ молодыми птенцами; затѣмъ бросается

Рис. 6.—Соболь и рябчики.

стремительно на добычу, прогрызаетъ ей острыми зубами черепъ или глотку и упивается кровью своей жертвы. Лишь

изрѣдка, послѣ долгихъ, но безуспѣшныхъ поисковъ дичи въ лѣсу, куница рѣшается пробраться къ жилищу человѣка, чтобы стащить добычу изъ курятника или изъ голубятни.

Мѣхъ куницы—одинъ изъ дорогихъ мѣховъ, и потому на нее охотятся усердно, особенно зимою, когда тайга становится доступнѣе для человѣка. Охота на этого «пушного звѣря» ведется или съ ружьемъ, или же при помощи капкановъ, въ которые куница попадаетъ довольно часто—гораздо чаще, чѣмъ близкій родственникъ ея, *соболь*, который ведетъ себя очень осторожно и на приманку дается не легко. Соболій мѣхъ цѣнится дороже куньяго; поэтому сибирскіе охотники пускаютъ въ ходъ всѣ средства, лишь бы добыть побольше соболей. Цѣлыми партіями собираются они въ тайгѣ зимою, устраиваютъ тамъ временные шалаши и начинаютъ охоту: кто бродитъ по лѣсу съ ружьемъ, высматривая драгоцѣннаго звѣрька, кто снаряжаетъ ловушки и силки, а кто шатается по снѣгу съ собаками, стараясь разыскать соболиное гнѣздо, чтобъ окружить его сѣтями.

Каждый годъ изъ Сибири вывозится около ста тысячъ красивыхъ соболиныхъ шкурокъ; сколькихъ трудовъ стоитъ раздобыть ихъ—и говорить нечего. Охотникамъ приходится переносить и холодъ, и бури, не досыпать, не доѣдать, жить цѣлыя недѣли въ тайгѣ; а между тѣмъ зачастую добыча едва покрываетъ всѣ расходы по охотѣ.

Собольи и куньи шкурки цѣнятся особенно дорого: за хорошаго соболя уже на мѣстѣ можно получить рублей 20—25, а въ рѣдкихъ случаяхъ и цѣлыхъ сто; по сравненію съ ними шкурки хорьковъ и даже горностаевъ дешевы. Одно время мѣха хорьковъ совсѣмъ не имѣли сбыта, благодаря своему непріятному запаху; но теперь и они продаются въ большомъ числѣ. Въ одной Россіи ежегодно расходится нѣсколько сотъ тысячъ хорьковыхъ шкурокъ. А сколько ихъ идетъ еще въ другія страны!

Сибирскій хорекъ, въ противоположность куницѣ и соболю, неохотно селится въ густомъ лѣсу: чаще всего онъ примащивается у опушки лѣса или же на полянахъ среди тайги.

Хорекъ—большой проныра и ловкачъ. Онъ отлично лазаетъ по деревьямъ, умѣетъ плавать и нырять; онъ надѣленъ тонкимъ чутьемъ и зоркимъ глазомъ, и къ тому же—чрезвычайно остороженъ, недовѣрчивъ, хитеръ и понятливъ. Съ такими повадками и нравомъ, какъ у хорька,—не пропадешь на бѣломъ свѣтѣ. И достается же отъ него мелкой твари, въ родѣ кротовъ, мышей-полёвокъ, крысъ и лягушекъ! Впрочемъ, этотъ хищникъ преслѣдуетъ животныхъ и покрупнѣе, напр., домашнихъ птицъ, бѣлокъ и даже зайцевъ. Отваженъ онъ и смѣлъ прямо-таки не по росту, а разозлившись, совсѣмъ теряетъ голову, становится не въ мѣру дерзокъ и отваживается нападать даже на такого врага, съ которымъ ему ввѣкъ не совладать. Только въ самую тяжелую минуту жизни хорекъ обращается въ бѣгство; но тутъ ужъ онъ ведетъ себя прямо таки неприлично: удирая отъ врага, выбрасываетъ струю вонючей жидкости, стараясь такимъ образомъ отвадить его; и нужно сознаться, что эта военная уловка часто выручаетъ хорька изъ бѣды: врагъ, одурманенный «крѣпкимъ духомъ», спѣшитъ оставить добычу и уходитъ ни съ чѣмъ.

Рис. 7.—Хорекъ.

Чтобы вы могли судить, до чего иной разъ доходитъ смѣ-

лость хорька, приведу слѣдующій разсказъ одного наблюдателя: «Шестилѣтній мальчикъ, няньчившій своего братишку, положилъ было его около придорожной канавы. Вдругъ выскочили три хорька и набросились на ребенка. Одинъ впился ему въ затылокъ, другой въ щеку, а третій въ лобъ. Ребенокъ страшно закричалъ, братъ бросился ему на помощь, но изъ канавы выскочило еще нѣсколько хорьковъ, съ намѣреніемъ напасть на дѣтей. По счастью, на помощь подоспѣли съ поля двое взрослыхъ мужчинъ и забили до смерти двухъ хорьковъ, послѣ чего остальные звѣрьки разбѣжались... Въ другой разъ хорекъ напалъ на взрослаго пастуха, но, конечно, поплатился въ этомъ случаѣ жизнью за свою смѣлость».

Такою же отвагой отличается и горностай. Этотъ пушной звѣрекъ надѣленъ очень красивымъ мѣхомъ. Лѣтомъ шубка его сверху рыжеватобураго цвѣта, а снизу (на брюхѣ) бѣлая; зимой же она почти вся бѣлая, за исключеніемъ кончика хвоста, который всегда остается чернымъ.

Гдѣ селится горностай? Всюду: и въ заброшенной кротовой норѣ, и въ дуплѣ дерева, и подъ густымъ кустомъ гдѣ-нибудь прямо на землѣ.

Днемъ онъ обыкновенно сидитъ дома, а какъ только закатится солнышко, сейчасъ же идетъ на охоту—ловитъ мышей, кротовъ, кроликовъ, голубей и куръ; иногда же отваживается хватать и зайцевъ. Въ ловкости и хитрости горностай нисколько не уступаетъ ни соболю, ни хорьку: онъ такъ же искусно выслѣживаетъ добычу, подкрадывается къ ней и загрызаетъ на смерть. Повстрѣчавшись, напр., съ зайцемъ, горностай не кидается на него сразу, а ведетъ свое дѣло исподволь, съ большою хитростью: сначала позабавится съ зайцемъ, затормошитъ его, а тамъ уже и вцѣпится въ шею или въ горло своей жертвы.

Одинъ ученый, по имени Вудъ, разсказываетъ про горностаевъ просто таки поразительныя вещи.

Такъ, однажды, по словамъ его, какой-то взрослый мужчина, замѣтивъ на тропинкѣ двухъ горностаевъ, пустилъ въ нихъ камень, и такъ удачно, что одинъ изъ звѣрьковъ остался на мѣстѣ. «Въ то же мгновеніе другой горностай испустилъ рѣзкій крикъ, подпрыгнулъ къ обидчику своего спутника, съ чрезвычайною скоростью взобрался по его ногамъ и вцѣпился зубами въ его шею. На воинственный его окрикъ тотчасъ послышались отклики другихъ горностаевъ, находившихся вблизи, и вслѣдъ затѣмъ они явились на помощь къ отважному передовому бойцу. Прохожій вздумалъ было защищаться каменьями, но вскорѣ убѣдился, что гораздо разумнѣе будетъ употребить руки для защиты своего затылка, такъ какъ раздраженные звѣрьки продолжали свое преслѣдованіе съ величайшимъ упорствомъ, и если бы не толстая одежда и теплый платокъ, то онъ получилъ бы серьезныя раны. Впрочемъ, руки, лицо и часть шеи его были все-таки изранены, а самое нападеніе такъ рѣзко запечатлѣлось въ памяти у потерпѣвшаго, что онъ далъ себѣ зарокъ никогда ужъ болѣе не обижать горностая»...

Рис. 8. Горностай.

Такъ вотъ каковы тѣ самые «пушные звѣри», кото-

рыми такъ богата сибирская тайга! Прибавляю еще, что сибиряки охотятся въ тайгѣ также на бѣлокъ, истребляя ежегодно несмѣтное число ихъ. Бѣличій мѣхъ также находитъ весьма широкій сбытъ.

III.
Охота въ тайгѣ.

Лучшее время охоты въ тайгѣ—это начало зимы. Въ эту пору множество охотниковъ и звѣролововъ пробираются въ нее по снѣгу безъ особенныхъ трудовъ. Въ лѣсу то и дѣло раздаются голоса людей, выстрѣлы изъ ружья, лай охотничьихъ собакъ. Тайга словно оживаетъ. Всюду разставлены капканы, западни, силки, самострѣлы и сѣти... Охота въ полномъ разгарѣ.

Вотъ подъ кустомъ примощенъ капканъ; подлѣ него приманка. Осторожно пробирается къ ней лисица. Приманка соблазительна, но подойти къ ней старая плутовка не рѣшается. Не мало лѣтъ живетъ она на бѣломъ свѣтѣ, видывала всякіе виды, и провести ее—не легко. Повертѣвшись нѣсколько минутъ неподалеку отъ капкана, лиса повернула назадъ и скрылась за пригоркомъ. Вскорѣ однако изъ-подъ куста выглянула другая лисья мордочка; обнюхала лисица воздухъ, повертѣла носомъ и въ нѣсколько прыжковъ очутилась у приманки. Недолго думая, хватаетъ она лакомый кусокъ... но, увы! капканъ вдругъ щелкнулъ, и обѣ лисьи лапы очутились въ тискахъ... Изобрѣтательный звѣроловъ перехитрилъ неопытнаго, еще молодого звѣря!

Шаговъ за сто отъ капкана пристроена ловушка. Лежитъ дощечка, совсѣмъ почти прикрытая снѣгомъ; надъ нею—другая дощечка, а посрединѣ—кусокъ рыбы, отличная приманка для горностая. Спускается онъ съ дерева и подходитъ къ приманкѣ, выгнувши горбомъ свою спинку и за-

метая слѣдъ пушистымъ хвостомъ. Но едва только горностай прижалъ нижнюю дощечку лапами и прикоснулся къ рыбѣ, какъ верхняя доска внезапно опустилась и прижала плотно голову несчастнаго звѣрька...

Въ третьемъ мѣстѣ поставлены силки для соболя. Зимою этотъ хищникъ неохотно идетъ въ воду, и если ему нужно перебраться на другую сторону ручья, то онъ предпочитаетъ переходить по сваленному надъ ручьемъ дереву. Вотъ тутъ-то и примостилъ охотникъ свои силки. Посрединѣ опрокинутаго ствола онъ помѣстилъ небольшія деревянныя ворота; черезъ нихъ перекинуто нѣсколько волосяныхъ силковъ. Къ каждому изъ нихъ при помощи волосяной бичевки прикрѣпленъ увѣсистый камень. Переправляясь по мостику, соболь нечаянно просовываетъ въ силокъ свою голову. Тутъ ужъ для него нѣтъ спасенья! Желая освободиться изъ петли, соболь мотаетъ головой, топчется на мѣстѣ, сбиваетъ камень и вмѣстѣ съ нимъ летитъ неожиданно въ воду. Послѣ этого охотнику остается лишь вытащить свою добычу изъ рѣчки.

А вотъ, наконецъ, и западня на хорьковъ. Собака разыскала одну изъ норокъ, въ которой живетъ хорекъ, а охотникъ разгребъ подлѣ нея снѣгъ, разставилъ сѣти и старается крикомъ выгнать оттуда животное. Испуганный хорекъ выскакиваетъ изъ своего гнѣзда, кидается, какъ шальной, во всѣ стороны и попадаетъ въ сѣти.

Да мало ли какихъ ловушекъ не придумалъ сибирскій охотникъ! Однѣ только западни съ самострѣлами чего стоятъ. И какъ разсчетливо, какъ умѣло ихъ дѣлаютъ и ставятъ!

Тамъ, смотришь, подъ кустомъ поставленъ туго натянутый лукъ съ острою стрѣлою; возлѣ лука лежитъ приманка; она пристроена такъ, что всякій, кто попытается стащить ее, непремѣнно спуститъ лукъ и получитъ мѣткій ударъ стрѣлою. Въ другомъ мѣстѣ прилажено заряженное

ружье. Курокъ взведенъ, а къ ножкѣ его привязанъ шнурокъ, идущій отъ приманки; приманка положена какъ разъ передъ дуломъ ружья. Пусть только кто-нибудь позарится на добычу! Сейчасъ же шнурокъ дернетъ за собачку, курокъ опустится, раздастся выстрѣлъ, и пуля сразитъ, быть можетъ, наповалъ неосторожнаго хищника, польстившагося на приманку.

Довольно часто охотники пускаютъ въ дѣло и отраву. Она обыкновенно дѣлается изъ рубленнаго мяса, къ которому примѣшивается какой-нибудь ядъ (растеніе чилибуха, сулема, стрихнинъ и т. п.). Когда «привада» готова, ее завертываютъ въ оленью брюшину и привязываютъ къ дереву или кусту. Волчата и молодыя лисицы легко поддаются на эту уловку и, съѣвши нѣсколько отравленныхъ шариковъ, вскорѣ околѣваютъ. Старые волки и лисицы рѣдко трогаютъ отраву и даже охраняютъ отъ нея своихъ неопытныхъ дѣтей, не позволяя имъ брать приваду. Но и для старыхъ, умудренныхъ житейскимъ опытомъ, волковъ имѣется своя особенная западня. Ее строятъ обыкновенно для тѣхъ волковъ, которыя шатаются ночью возлѣ деревень и нападаютъ на домашнихъ животныхъ.

Посмотримъ же, какъ дѣйствуетъ эта, такъ называемая, *круговая западня.*

Неподалеку отъ деревни, въ которую забѣгаетъ сѣрый хищникъ, отгораживается высокимъ и крѣпкимъ частоколомъ небольшой кругъ; затѣмъ этотъ кругъ обносится снаружи новымъ рядомъ кольевъ. Такимъ образомъ получаются два круга: одинъ (меньшій) внутри другого (бо́льшаго), а между ними—проходъ въ аршинъ шириною. Внутренній кругъ сплошной; въ наружномъ же между двумя толстыми кольями подвѣшивается на петляхъ дверь. Дверь эта открывается только внутрь и устроена такъ, что если ее прихлопнуть, то она сама собою замкнется.

На ночь во внутренній кругъ помѣщается коза. Почуявши

добычу, волкъ приближается къ западнѣ. Открытая дверь впускаетъ хищника за первую ограду. Добыча такъ близка, а между тѣмъ добраться до нея нѣтъ силъ! Звѣрь, какъ очумѣлый, кидается то въ ту, то въ другую сторону, бѣгаетъ между двумя рядами кольевъ, пытается пролѣзть за вторую ограду, но безуспѣшно. А тутъ еще открытая дверь мѣшаетъ ему свободно двигаться; она, вѣдь, стоитъ поперекъ прохода между кольями. Вдругъ хищникъ налетаетъ съ размаху на дверь, толкаетъ ее—дверь прихлопывается и... волкъ въ засадѣ: назадъ уйти ему уже не придется! Перескочить черезъ заборъ—также невозможно, такъ какъ западня прикрыта сверху жердями и хворостомъ. Волкъ злится, рычитъ, скалитъ зубы, мечется какъ угорѣлый, пытается схватить добычу или, по крайней мѣрѣ, уйти обратно въ лѣсъ; но ни то, ни другое сдѣлать невозможно: дверь заперта, а коза за вторымъ частоколомъ, куда нѣтъ доступа. На утро придутъ крестьяне съ дубинками, веревками и собаками. Накинутъ они на шею сѣрому арканъ, опутаютъ веревкою, пристукнутъ дубинками—и поминай, какъ звали его!

Волку приходится частенько голодать, въ особенности зимою. Поэтому едвали можно удивляться, что онъ ведетъ себя не очень осторожно и попадаетъ нерѣдко впросакъ. Кто, напримѣръ, не слыхалъ о томъ, какъ охотятся на волковъ съ помощью поросенка? Вѣдь, при такой охотѣ хищники ведутъ себя по истинѣ безтолково, и сами, что называется, лѣзутъ въ петлю. Но голодъ—могучая сила: онъ заставляетъ звѣря забыть и страхъ, и осторожность. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ слѣдующее.

Суровый морозный день. У опушки лѣса бродитъ голодный волкъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ ничего не ѣлъ. Щелкаетъ волкъ зубами, вытянулъ печально рыло, обнюхиваетъ воздухъ, насторожилъ уши и ждетъ не до-

ждется, когда судьба пошлетъ ему добычу. Вдругъ издали до слуха его доносится какой-то визгъ. Что ни дальше, визгъ слышится все громче и громче, и, наконецъ, на дорогѣ показываются сани. Мелкою рысцою бѣжитъ лошаденка. На облучкѣ—кучеръ, а въ саняхъ задомъ наперёдъ сидятъ охотники съ ружьями наготовѣ. У одного изъ нихъ подъ бокомъ завязанный мѣшокъ, а въ мѣшкѣ поросенокъ. Охотникъ давитъ мѣшокъ колѣномъ, и поросенокъ визжитъ, что есть мочи. Затуманилось у хищника въ головѣ, и помчался онъ со всѣхъ ногъ въ догонку за санями. Видитъ волкъ, что за санями по снѣгу волочится какой-то странный предметъ, и думаетъ: вотъ она, добыча, близко. А это всего на всего, мѣшокъ, набитый сѣномъ и привязанный охотниками къ санямъ для приманки. Но гдѣ тутъ съ голоду разобрать, что въ мѣшкѣ—сѣно или поросенокъ, который попрежнему кричитъ во всю глотку. Наскакиваетъ голодный волкъ на мѣшокъ, а въ это время охотникъ пускаетъ въ него пулю...

Такой способъ охоты на волковъ въ большомъ ходу у сибиряковъ.

Разскажу въ заключеніе этой главы еще объ одной западнѣ, которую обыкновенно устраиваютъ сибирскіе охотники. Эта западня ставится на всякаго звѣря, и на крупнаго, и на мелкаго. Ее можно встрѣтить въ тайгѣ довольно часто: и на поляхъ, и на поворотахъ дороги, идущей сквозь тайгу, и у опушки лѣса, словомъ, всюду, гдѣ есть сколько-нибудь свободное мѣсто. Какъ же ее дѣлаютъ?

Прежде всего ставится длинная, но по возможности низкая изгородь. Въ ней оставлено нѣсколько свободныхъ проходовъ. По сторонамъ каждаго прохода вбиваются жерди, а надъ ними небольшая перекладина. Къ перекладинѣ прилаживается чурбанъ такимъ образомъ, что онъ, когда это нужно, сваливается съ перекладины. Затѣмъ вся изгородь прикрывается слегка свѣжимъ хворостомъ, чтобы за-

падня была не особенно замѣтна. Наконецъ, у проходовъ кладутъ еще для приманки куски мяса, рыбы или сала.

Когда какое-нибудь животное, соблазнившись приманкой, хватаетъ ее и стремится пролѣзть сквозь отверстіе въ изгороди, деревянный обрубокъ (чурбанъ) срывается съ перекладины и оглушаетъ добычу сильнымъ ударомъ...

Рис. 9.—Охота на волковъ.

Само собой разумѣется, что всѣ эти силки, капканы, самострѣлы и западни часто дѣйствуютъ неудачно. Иначе человѣку не стоило бы придумывать все новые и новые охотничьи снаряды, и охота на звѣрей въ тайгѣ не представляла бы никакихъ трудностей. Мы же знаемъ, что охота эта не легка, тѣмъ болѣе, что хищники довольно скоро приспособляются къ хитрымъ продѣлкамъ охотниковъ и становятся много недовѣрчивѣе и осторожнѣе.

ТУНДРА.

IV.

Холодная пустыня.

На сѣверѣ тайга рѣдѣетъ. Все чаще и чаще начинаютъ попадаться открытыя мѣста, просторныя плѣшки и поляны. Лѣсъ мельчаетъ. Крупныхъ, высокоствольныхъ деревьевъ почти уже нѣтъ. Сплошныя непроходимыя чащи встрѣчаются все рѣже и рѣже. Чѣмъ дальше подвигаешься на сѣверъ по направленію къ Ледовитому океану, тѣмъ бѣднѣе становится природа. Наконецъ, лѣсъ совершенно прерывается. Лишь кое-гдѣ, то тамъ, то здѣсь, наткнешься на кучку жалкихъ березокъ или сосенокъ. Видно, что имъ здѣсь трудно живется: и почва, и климатъ далеко уже не тѣ, что были раньше въ тайгѣ. Предъ взоромъ путника открывается обширная пустынная равнина—непривѣтливый, холодный край. Это и есть тундра.

Тундра—та же пустыня. На всей землѣ существуютъ лишь двѣ страны одинаково мрачныя и страшныя. Одна изъ нихъ—великая африканская пустыня, Сахара; другая—дальній сѣверъ Европы, Азіи и Америки,—та самая полоса земного шара, гдѣ лежатъ мерзлыя болота и топи, или тундры.

Сахара и тундра—какъ мало, повидимому, въ нихъ схожаго! Сахара почти безводна, а въ тундрѣ—обиліе воды; въ Сахарѣ—нестерпимый зной, а въ тундрѣ—столь же несносная стужа. Такъ что жъ? И то и другое—и недостатокъ и обиліе воды, и зной и стужа—одинаково не-

благопріятны для жизни. Вотъ почему сѣверная окраина

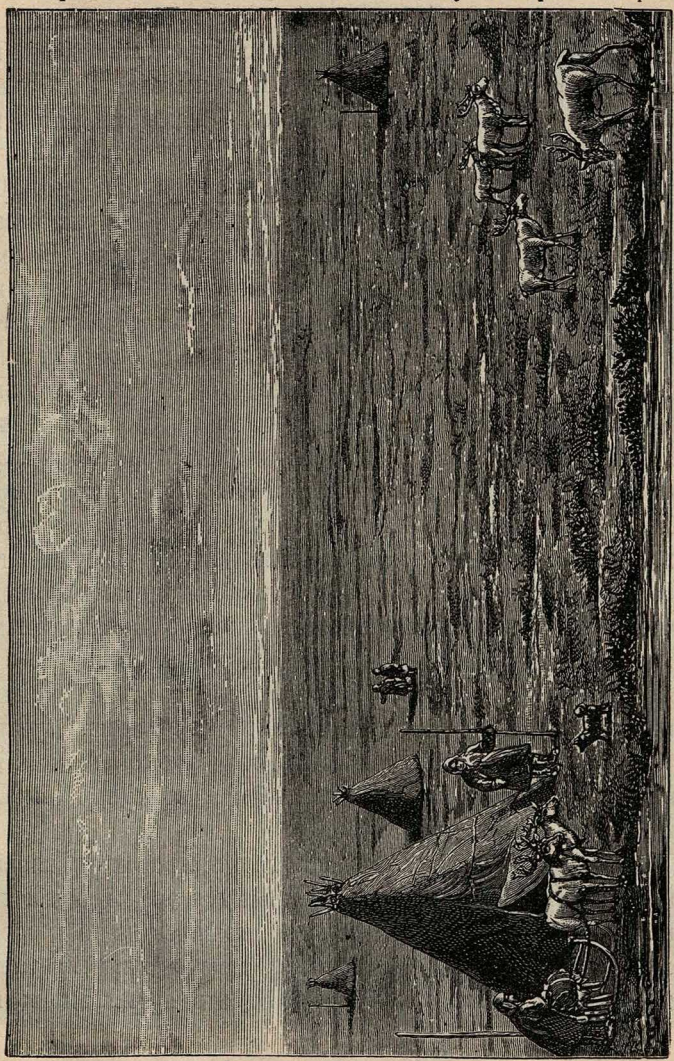


Рис. 10.—Тундра.

Сибири такъ же безплодна, какъ и великая африканская

пустыня; вотъ почему въ тундрѣ человѣку живется такъ же скверно, какъ и въ Сахарѣ...

Разсмотримъ здѣсь подробнѣе сибирскую тундру (въ Азіи); тундры Сѣверной Америки и Европы мало чѣмъ отличаются отъ тундръ Сибири; поэтому о нихъ мы здѣсь не станемъ говорить.

Итакъ, предъ нами пустынная равнина (см. рис. 10). Со второй половины сентября тутъ наступаетъ ужъ зима. Снѣгъ крупными хлопьями опускается на землю. Черезъ нѣсколько недѣль вся равнина одѣвается сплошь въ снѣжный саванъ. Куда не глянешь, всюду передъ тобою стелются необозримыя снѣжныя поля. Безчисленныя болота затянулись льдомъ и покрылись также снѣгомъ. Ручьи и рѣки замерзли. Надъ бѣлою поляной высится голубое, безоблачное небо. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Морозы съ каждымъ днемъ становятся все суровѣе и суровѣе. Порою надъ снѣжною пустыней проносится рѣзкій, студеный вѣтеръ. Онъ подымаетъ тучи снѣга, крутитъ его въ воздухѣ вихремъ, гонитъ съ мѣста на мѣсто, сбиваетъ буграми и вновь сметаетъ. Эта страшная метель, сопровождаемая дикимъ ревомъ и свистомъ вѣтра, ничуть не лучше гнѣвнаго самума [1]), который временами свирѣпствуетъ въ песчаныхъ равнинахъ пустыни Сахары. Одна лишь разница и есть: въ Сахарѣ вѣтеръ жгучъ, а здѣсь онъ словно ледяной; въ Сахарѣ онъ орудуетъ надъ пескомъ, а въ тундрѣ—надъ снѣгомъ...

Зима въ тундрѣ долгая; она тянется восемь мѣсяцевъ подъ-рядъ. Что ни мѣсяцъ, дни дѣлаются все короче и короче. Въ половинѣ декабря солнце держится на небѣ всего какихъ-нибудь полчаса; затѣмъ оно скрывается, и настаетъ томительная *двухмѣсячная ночь*. Въ это время жизнь въ

---

[1]) См. мою книжку: „Степь и пустыня“.

тундрѣ становится положительно невыносимой. Подумать

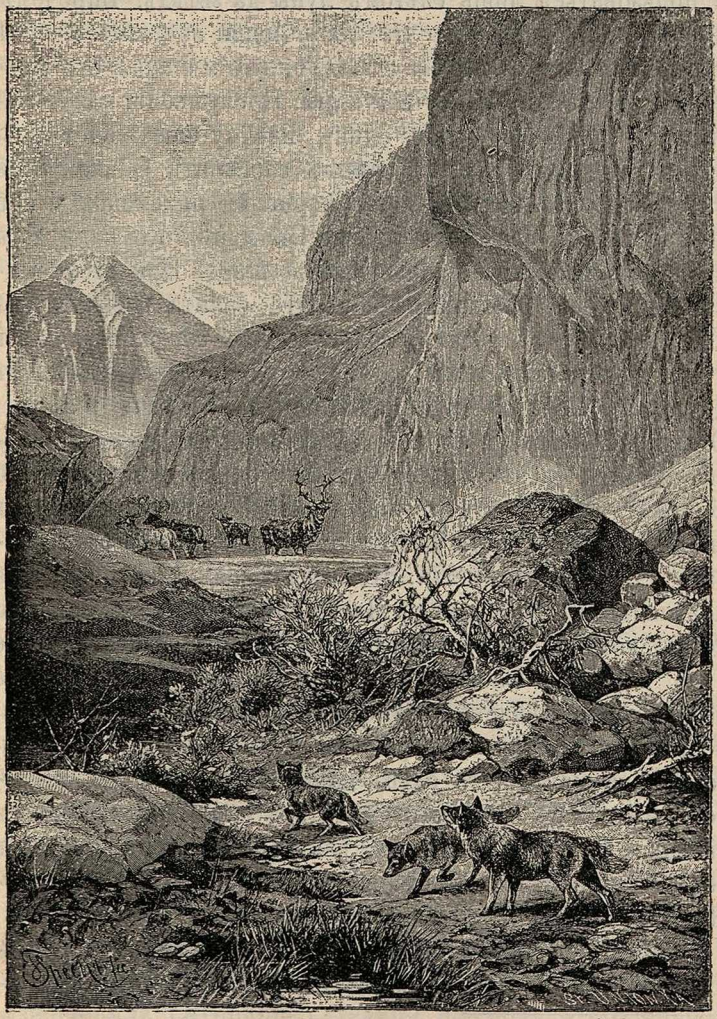


Рис. 11.—Возвышенная тундра.

жутко: два мѣсяца ночи! два мѣсяца не видать солнца и пользоваться лишь свѣтомъ луны да звѣздъ! Впрочемъ, нужно прибавить вотъ что: на помощь звѣздамъ и лунѣ приходитъ часто *сѣверное сіяніе*, оно-то и оживляетъ продолжительныя зимнія ночи тундры. Послушаемъ, какъ описываетъ сѣверное сіяніе одинъ изъ путешественниковъ: «Вонъ, говоритъ онъ, на самомъ горизонтѣ [1]) виднѣется блѣдно-свѣтлая матовая дуга; форма ея правильна, и оба конца словно касаются земли. По мѣрѣ того какъ дуга поднимается, концы ея расходятся шире. При этомъ никакихъ лучей незамѣтно; вся дуга залита ровнымъ бѣлымъ свѣтомъ съ легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Свѣтъ луны кажется желтымъ въ сравненіи съ этимъ нѣжнымъ цвѣтомъ... Но вотъ дуга поднимается все выше и выше. Она точно плыветъ по небу спокойно и медленно, и только изрѣдка волна свѣта перекатится по ней съ одного конца на другой. Въ это время сѣверное сіяніе освѣщаетъ снѣжную поверхность уже настолько, что можно распознавать отдѣльные предметы... Не всегда однако сѣверное сіяніе появляется въ такомъ видѣ. Часто оно походитъ на свѣтлую ленту, которая постепенно расширяется и становится все ярче и ярче. Слегка извиваясь, лента медленно, но безпрерывно мѣняетъ свою форму и мѣсто... Волны свѣта, колыхаясь, постоянно переливаются по всей длинѣ ленты, то справа налѣво, то слѣва направо. Потомъ лента развертывается во всю длину и затѣмъ вновь стягивается въ складки. Она вся волнуется, какъ будто вѣтеръ колышетъ ее... Вскорѣ лента блѣднѣетъ и опускается къ горизонту. Наконецъ все погружается во мракъ»...

Свѣтъ сѣвернаго сіянія замѣняетъ отчасти свѣтъ скрывшагося солнца. Но все же жители тундры ждутъ съ не-

[1]) Горизонтомъ называется то мѣсто, гдѣ небо какъ будто опирается на землю.

терпѣніемъ того времени, когда свѣтило наше вновь покажется на небѣ. И эта благодатная пора настаетъ. Солнце выглядываетъ изъ-за горизонта. Первые дни оно держится на небѣ очень недолго. Но вотъ дни становятся длиннѣе, ночи короче. Проходятъ недѣли, а дни все растутъ. Въ воздухѣ вѣетъ тепломъ. Рѣки вскрываются, болота стаиваютъ, снѣгъ медленно убываетъ, обнажая глинистую почву. Съ первыхъ чиселъ апрѣля наступаютъ «бѣлыя ночи»: заря ужъ не потухаетъ, солнце спрячется, и вновь, часа черезъ два, покажется на небѣ; а со второй половины іюня оно и вовсе не уходитъ съ горизонта. Тогда въ тундрѣ начинается лѣто. Всего лишь два мѣсяца тянется оно, но зато теперь—все время день, *двухмѣсячный день*, и ночей не существуетъ. Вотъ видите, какъ много непривычнаго для насъ есть въ тундрѣ. Правда, и въ нашихъ краяхъ зимою дни очень коротки и ночи длинны, а лѣтомъ—наоборотъ—короткія ночи смѣняются долгими днями. Но тамъ, на сѣверѣ, совсѣмъ иное: тамъ лѣтомъ—все время день, зимою же—два мѣсяца сплошная ночь!..

Лѣтомъ тундра кажется нѣсколько привѣтливѣе, чѣмъ зимою. На ней показываются растенія. Но какія это жалкія растенія! По землѣ стелется сѣровато-бѣлый лишайникъ, такъ называемый оленій мохъ; среди него торчатъ кусты брусники, морошки и черники, и только изрѣдка попадается искривленная низкорослая береза. Кругомъ, на сотни верстъ, одна и таже убогая картина. Идешь по тундрѣ день, идешь другой, недѣлю,—и предъ тобою все тѣ же однообразныя «моховыя поля». Положительно глазу не на чемъ отдохнуть, развѣ примѣтишь вдали палатки самоѣдовъ, а подлѣ нихъ небольшое стадо сѣверныхъ оленей, или выгонишь случайно изъ-подъ куста лисицу, одѣтую въ бѣлый мѣхъ. Но вотъ картина мѣняется. Вы

подходите къ озеру. Въ тундрѣ озеръ не мало, но они походятъ скорѣе на грязныя болота. Это же—настоящее озеро, довольно большое, съ чистою водою, да къ тому же оно оживлено присутствіемъ множества водяныхъ птицъ. Онѣ прилетѣли сюда издалека, кто съ цѣлью промыс-

Рис. 12.—Птицы тундры.

литъ себѣ пищу, а кто лишь для того, чтобъ свить въ осокѣ гнѣздо, вывести дѣтей, а тамъ и умчаться съ ними вмѣстѣ обратно къ морю. Тутъ, у озера, вы найдете и дикихъ гусей, и гагарокъ, и плавунчиковъ, и даже лебедей. Всѣ они—временные жители тундры. Пройдутъ лѣтніе мѣсяца—и ихъ потянетъ вонъ изъ тундры, а озеро осиротѣетъ.

Помимо озеръ у тундры есть и иное украшеніе: это—берега рѣкъ и рѣчекъ, орошающихъ холодную пустыню. Такіе берега, по большей части, бываютъ покрыты пушистымъ ивнякомъ, который мѣстами такъ сильно разрастается, что образуетъ плотную живую изгородь. На лѣто въ рѣки тундры заплываютъ изъ моря многія породы рыбъ; въ погонѣ за ними сюда же прилетаютъ и птицы-рыболовы, въ числѣ которыхъ не мало чаекъ; изъ нихъ особенно любопытны поморники. Они отличаются коварной привычкой отбивать у другихъ птицъ добычу. Какъ какой нибудь изъ крылатыхъ рыболововъ выудитъ рыбу, поморникъ налетаетъ на него невзначай и вырываетъ изъ клюва добычу. Вотъ почему его зовутъ иначе «разбойникомъ».

Тамъ, гдѣ рѣка въ половодье заливаетъ берега, почва нѣсколько измѣняется. Песокъ, принесенный рѣкою, отлагается при этомъ на берегахъ и дѣлаетъ почву пригодною для жизни крупныхъ растеній. Такъ, на песчаномъ грунтѣ этихъ мѣстъ прививаются кой-гдѣ и лиственница, и рябина, и жимолость, и нѣкоторыя другія растенія. Нечего и говорить, что всѣ эти растенія для тундры—большая роскошь, цѣлый кладъ.

Въ то время, какъ озера и рѣки тундры служатъ пристанищемъ для птицъ, возвышенныя мѣста ея привлекаютъ къ себѣ дикихъ сѣверныхъ оленей и ихъ неразлучныхъ спутниковъ, волковъ. Впрочемъ, въ такихъ мѣстахъ можно найти еще кое-какихъ обитателей тундры; напр., пеструшекъ—небольшихъ, короткохвостыхъ звѣрьковъ, похожихъ съ виду на сусликовъ,—или болотную сову, которая устраиваетъ для себя гнѣздо среди вѣтвей нискорослой березы, или, наконецъ, особенную породу бѣлыхъ куропатокъ.

Какъ бы то ни было, а нужно все-таки согласиться, что тундра бѣдна, очень бѣдна растеніями и животными:

изъ растеній въ ней больше всего лишаевъ, а изъ животныхъ—комаровъ.

Въ заключеніе—еще два слова о почвѣ тундры: даже лѣтомъ, въ самые жаркіе дни, болота, топи, трясины да и вся вообще почва тундры оттаиваетъ лишь съ поверхности, а дальше, на какихъ-нибудь три четверти аршина глубже, земля остается навсегда холодною, какъ ледъ, и твердою, какъ камень. Что путнаго можно ожидать отъ такой природы?

V.

Сѣверный олень и овцебыкъ.

Въ тундрахъ живутъ громадныя стада дикихъ и прирученныхъ оленей. Эти кроткія животныя составляютъ главное богатство холодной сѣверной пустыни. Кочующіе народы тундры—самоѣды, остяки, лопари—высоко цѣнятъ этихъ животныхъ: безъ сѣвернаго оленя ихъ жизнь была бы истинною мукой.

Сѣверный олень въ общемъ походитъ на своихъ собратьевъ, живущихъ въ лѣсахъ болѣе теплыхъ странъ. Онъ, правда, не такъ красивъ и строенъ, какъ, напр., благородный олень и маралъ, но все же выглядитъ статнѣе другихъ жвачныхъ животныхъ. Голова его украшена рогами, которые у самцовъ крупнѣе, чѣмъ у самокъ, а все тѣло покрыто густою шерстью. Шерсть эта *зимою* длинная, волнистая и недурно защищаетъ сѣвернаго оленя отъ холодовъ, царящихъ въ тундрѣ; *лѣтомъ* же, когда и въ тундрѣ выпадаютъ довольно теплые дни, сѣверный олень линяетъ: теплая шуба его спадаетъ съ плечъ и вмѣсто нея остается короткая сѣрая шерсть. Тогда костюмъ оленя по цвѣту своему очень походитъ на грязный тающій снѣгъ тундры.

Весьма возможно, что такая окраска помогаетъ оленямъ скрываться отъ волковъ, которые преслѣдуютъ ихъ часто цѣлой гурьбой.

Сѣверный олень, по мѣрѣ силъ и возможности, приноровился къ жизни въ пустынной тундрѣ. Лишаи да кой-какія травы, встрѣчающіяся въ тундрѣ (оленій щавель, подснѣжный лютикъ), составляютъ его обыкновенную пищу. Своими крѣпкими копытами онъ раскапываетъ снѣгъ и твердую, промерзшую кору, чтобы добыть себѣ кормъ; весною, когда распустятся почки на низкорослой березѣ, онъ лакомится ея листьями и молодыми побѣгами,—и эта скудная, однообразная пища поддерживаетъ въ немъ и силу, и бодрость. Чтобы добыть ее, оленю приходится все время бродить по тундрѣ—переправляться черезъ болота и топи, вязнуть въ рыхломъ снѣгу, взбираться по крутымъ оледенѣлымъ скатамъ. Но тутъ на выручку ему приходятъ опять-таки его широкія, сильныя копыта: растопыривши ноги, ловко шагаетъ онъ и по болоту, и по снѣгу, а гдѣ удобнѣе, идетъ и быстрой рысью.

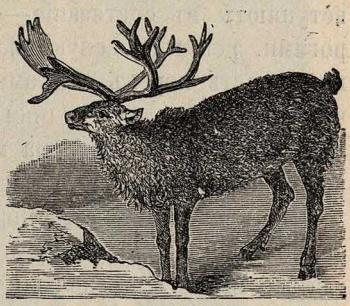


Рис. 13.—Сѣверный олень.

Въ открытой, незащищенной тундрѣ приходится все время быть насторожѣ, а то, того и гляди, нарвешься невзначай на врага; тутъ нуженъ хорошій нюхъ, тонкій слухъ и зоркій глазъ, чтобы издали разглядѣть врага, почуять его близость, услышать всякій подозрительный шорохъ. И что же? Олень съ избыткомъ награжденъ всѣмъ этимъ: онъ отлично слышитъ, все время держитъ носъ по вѣтру, зорко примѣчаетъ все, что дѣлается кругомъ на далекое разстояніе.

Подобно большинству травоядныхъ животныхъ, сѣверный олень предпочитаетъ жить въ сообществѣ съ другими оленями своей же породы. Одинокихъ, угрюмыхъ отшельниковъ среди нихъ немного; а если и встрѣчаются такіе отщепенцы, то это непремѣнно старые, сварливые самцы, которые не ужились въ стадѣ и потому подверглись изгнанію.

Всѣ члены стада живутъ между собою мирно и дружно; драки затѣваются лишь въ брачную пору, когда самцы дерутся изъ-за самокъ; да и это не настоящія драки, а скорѣе рыцарскія битвы и состязанія. Такія битвы очень занимательны. На глазахъ всего стада возмужалые самцы вступаютъ въ состязаніе—сшибаются лбами, сплетаются рогами, ревутъ, бѣснуются, и все лишь для того, чтобы щегольнуть передъ самками силой, ловкостью и отвагой, чтобы плѣнить ихъ и прогнать съ позоромъ соперниковъ. Когда же брачная пора минуетъ, въ стадѣ попрежнему водворяются полное согласіе и спокойствіе.

Во время сильныхъ морозовъ сѣверные олени обыкновенно покидаютъ тундру и перекочевываютъ въ тайгу; когда же станетъ нѣсколько теплѣе, они тотчасъ же возвращаются въ тундру, потому что дремучая тайга имъ не по нутру: въ ней они ищутъ убѣжища лишь по необходимости.

Въ тундрѣ оленямъ приходится все время кочевать съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ лучше и привольнѣе кормъ, гдѣ безопаснѣе и меньше враговъ. Во время такихъ скитаній олени образуютъ отдѣльныя стада въ 200—300 головъ; въ каждомъ стадѣ по большей части имѣется особый вожакъ—возмужалый, опытный самецъ, который ведетъ за собою стадо, дѣлаетъ, гдѣ нужно, привалы, слѣдитъ за порядкомъ. Пока стадо спитъ или просто отдыхаетъ, вожакъ стоитъ на стражѣ и охраняетъ своихъ товарищей; если вожаку самому вздумается отдохнуть, то его смѣняетъ временно кто нибудь другой изъ стада. Словомъ, безъ

часовыхъ тутъ дѣло не обходится, такъ какъ каждую минуту можно ждать нападенья цѣлой своры проголодавшихся волковъ, либо медвѣдя.

Иногда въ пору весеннихъ перекочевокъ отдѣльныя стада собираются вмѣстѣ, и тогда получается цѣлая армія

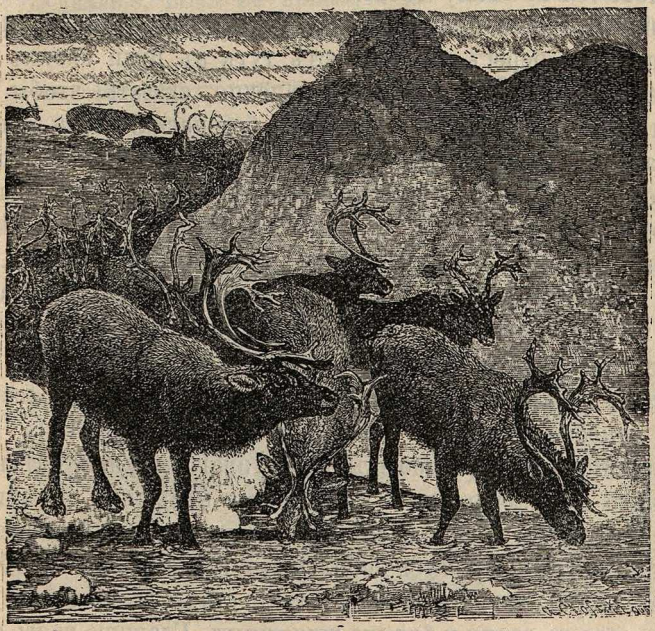


Рис. 14.—Перекочевка сѣверныхъ оленей.

оленей въ нѣсколько тысячъ головъ. Сомкнувшись тѣсною толпой, идетъ вся эта армія, то прибавляя, то убавляя шагъ свой, по привычному пути; когда же дорогу имъ пересѣчетъ рѣка, тогда всѣ олени, не долго думая, пускаются вплавь, ибо они и плаваютъ не дурно. Но тутъ, въ водѣ, ихъ ждетъ порою большая опасность. Дѣло въ томъ, что дикіе сѣвер-

ные олени составляютъ весьма заманчивую добычу для жителей тундры. Прослѣдивши тотъ путь, по которому обыкновенно идутъ олени, охотники устраиваютъ подлѣ рѣки засаду. Лишь только животныя заберутся въ воду, охотники, сидящіе въ челнокахъ, выплываютъ на средину рѣки, врываются въ толпу оленей и начинаютъ бить ихъ рогатинами. Раненыя и искалѣченныя животныя еле-еле выбираются на берегъ и попадаютъ тутъ въ руки своихъ нежданныхъ враговъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы такая охота на дикихъ оленей была безопасна: олени, защищаясь отъ нападенья, кусаются, дерутся рогами, толкаются и опрокидываютъ иногда челноки, въ которыхъ сидятъ охотники,—и въ этой всеобщей толкотнѣ и свалкѣ нѣкоторые изъ охотниковъ падаютъ въ воду и погибаютъ...

Сѣверный олень—коренной житель тундры, какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта [1]); въ тундрахъ Америки, помимо оленя, встрѣчается еще одно чрезвычайно любопытное животное. Съ виду это—не то овца, не то быкъ, такъ что названіе *овцебыкъ* къ нему вполнѣ подходитъ (см. рис. 15). Величиною онъ (овцебыкъ) съ крупнаго теленка, одѣтъ въ теплую мохнатую шубу и надѣленъ большими рогами.

Овцебыкъ рѣдко пасется въ одиночку. Обыкновенно эти животныя держатся небольшими стадами въ 20—30 головъ. Порою же встрѣчаются и такія стада, въ которыхъ набирается до сотни и больше животныхъ. Главную часть стада составляютъ самки (коровы) и телята. Самцовъ въ немъ немного; они драчливы, и потому предпочитаютъ бродить въ одиночку неподалеку отъ стада. Въ брачную пору вражда самцовъ другъ къ другу разгорается особенно сильно. Они вступаютъ тогда въ жестокій бой изъ-за самокъ, и такія битвы иногда кончаются смертью одного изъ борцовъ.

---

[1]) Европа, Азія и Африка—Старый Свѣтъ; Америка—Новый Свѣтъ.

Подобно всѣмъ обитателямъ тундры, эти животныя не держатся по долгу на одномъ и томъ же мѣстѣ, а постоянно кочуютъ, дѣлая лишь временныя стоянки тамъ, гдѣ встрѣчается хоть какой-нибудь кормъ. Опустошивши одно пастбище, они немедленно снимаются съ мѣста и идутъ дальше, пока не нападутъ на новое пастбище.

Лѣтомъ овцебыки заходятъ далеко на сѣверъ, въ самыя

Рис. 15.—Овцебыкъ.

холодныя страны Америки; когда же настаетъ осень, они собираются въ большія стада и идутъ на югъ, въ надеждѣ поживиться здѣсь привольнымъ кормомъ. И такъ живутъ они изъ году въ годъ: скитанья, временныя голодовки, суровые морозы и вѣчная борьба съ грозною вьюгой—вотъ все, что выпало на долю длинношерстымъ быкамъ американской тундры. Даже весною, когда и тундра покрывает-

ся кое-гдѣ сочною растительностью, эти животныя страдаютъ отъ комаровъ, плодящихся здѣсь въ несмѣтномъ числѣ.

Овцебыкъ—довольно простоватое и довѣрчивое животное. Встрѣчаясь впервые съ человѣкомъ, онъ не бѣжитъ отъ него, а останавливается, разглядываетъ внимательно пришельца и даже заигрываетъ съ нимъ. Охотники, разумѣется, пользуются довѣрчивостью этихъ животныхъ и иногда безъ всякаго труда избиваютъ ихъ десятками. Однако встрѣчи и частыя столкновенія съ человѣкомъ скоро измѣняютъ нравъ длинношерстыхъ быковъ: они дѣлаются болѣе осторожными и подозрительными и даже рѣшаются преслѣдовать охотниковъ.

Особенно храбро ведутъ себя самцы въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится защищать болѣе слабыхъ самокъ и телятъ. Тогда расвирѣпѣвъ и бѣшено ревя, наступаютъ они на врага, причемъ стараются держаться близко другъ подлѣ друга. Они точно понимаютъ, что въ единеніи—сила, и потому не разбѣгаются, а остаются вмѣстѣ даже тогда, когда имъ, волей-неволей, приходится отступать. Отступая, самцы сгоняютъ въ кучу телятъ и всячески заботятся о томъ, чтобы никто изъ малышей не отставалъ отъ стада.

Но гдѣ имъ справиться съ человѣкомъ! У нихъ одна защита; крѣпкій лобъ съ большими заостренными рогами да сильныя ноги, которыми нетрудно затоптать противника, сваливши его предварительно на землю; а человѣкъ идетъ на нихъ, вооруженный копьемъ, ножомъ, ядовитыми стрѣлами, а часто и ружьемъ. Кровными врагами овцебыка нужно считать жителей сѣверо-американской тундры, *эскимосовъ*. Эскимосы дорого цѣнятъ и мясо, и шерсть, и шкуру, и рога этого животнаго; а потому охота на овцебыка составляетъ любимое занятіе эскимоса...

VI.

Самоѣды.

Когда читаешь разсказы про пустынную, холодную тундру, то какъ-то не хочется даже вѣрить, что въ ней можетъ поселиться человѣкъ. Но онъ живетъ тамъ—и живетъ прескверно. Вѣчныя скитанья, лишенія, нищета и болѣзни —таковъ удѣлъ его. Жалка природа тундры, неприглядна и жизнь поселившагося въ ней *самоѣда*.

Самоѣды живутъ на дальнемъ сѣверѣ Россіи и Сибири (Архангельская, Тобольская и Енисейская губерніи). По внѣшнему виду, по костюму и по всему складу своей жизни они—необразованные, грубые дикари. Олень и собака составляютъ все ихъ достояніе; оленеводство, охота на звѣрей и рыбная ловля—ихъ главное занятіе; бродячая жизнь—ихъ горькая участь. Прикрѣпиться надолго къ какому-нибудь мѣсту самоѣдъ не можетъ. Тундра бѣдна, и потому ему приходится все время проводить въ поискахъ за кормомъ для оленей: куда пойдутъ олени, туда же плетется и ихъ хозяинъ-самоѣдъ. Можно ли при такомъ образѣ жизни строить прочныя, постоянныя жилища? Разумѣется—нѣтъ. Жилище самоѣда устроено такъ, что его можно живо разобрать, перенести на новое мѣсто и вновь соорудить, потративши на это часъ-другой, не больше.

Рис. 16.—Самоѣдъ.

Такое жилище или *чумъ*, а по самоѣдски—*мядико*, походитъ на шатеръ. Основу его составляютъ штукъ двадцать длинныхъ жердей, нижніе концы которыхъ втыкаются въ землю, а верхніе собраны вмѣстѣ и перетянуты бичевкой; лѣтомъ жерди покрываются березовой корой, а зимою—оленьими шкурами. Внутри чума нѣтъ почти никакого убранства: на полу лежатъ цыновки, сплетенныя изъ прутьевъ березы, а поверхъ нихъ—оленьи шкуры; сбоку шатра сдѣлано входное отверстіе, которое на зиму завѣшивается шкурой; посерединѣ его, на землѣ, стоитъ очагъ, въ которомъ постоянно поддерживается огонь. Грязь, дымъ, вонь, сырость и тѣснота—вотъ и все, что можно найти въ убогомъ чумѣ самоѣда. Нельзя сказать, чтобъ весело жилось въ такой обстановкѣ. Но самоѣдъ не требователенъ; въ своемъ шатрѣ онъ укрывается и отъ сильныхъ морозовъ, и отъ метелей, царящихъ въ тундрѣ.

Неприхотливъ самоѣдъ и въ пищѣ. Хлѣба онъ почти не употребляетъ, а питается рыбой, кое-какою птицей и ягодами. Сырое мясо и кровь только что убитаго оленя составляютъ для него самое лакомое блюдо. Зарѣзавши оленя, самоѣдъ устраиваетъ цѣлое пиршество. Но это пиръ совсѣмъ особенный, и вотъ какъ описываетъ его одинъ очевидецъ:

«Сидя на корточкахъ кругомъ еще теплаго оленя, каждый изъ пирующихъ срѣзываетъ мясо съ реберъ или со спины и съ бедеръ. Губы у всѣхъ красныя, точно намазаны плохими румянами; капли крови временами стекаютъ на подбородокъ и на грудь; руки, носъ, щеки окрашены свѣжею кровью; удивленный чужеземецъ повсюду видитъ передъ собою окровавленныя лица. Грудной ребенокъ отрывается отъ груди матери, чтобы въ свою очередь принять участіе въ пиршествѣ, и издаетъ звуки радости, когда заботливая мать разбиваетъ кость и даетъ ему сосать мозгъ послѣ того, какъ онъ уже успѣлъ проглотить кусочекъ печени и испач-

кать себѣ лицо, руки и все, до чего могъ дотронуться. Собаки сидятъ кругомъ позади пирующихъ и хватаютъ обгло-

Рис. 17. Стоянка жителей тундры.

данныя кости, которыя имъ бросаютъ. Насытившіеся одинъ за другимъ отстаютъ отъ ѣды, вытираютъ окровавленныя руки о мохъ, вычищаютъ такимъ же способомъ ножи и за-

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР

тѣмъ отправляются въ чумъ, чтобы тамъ съ удобствомъ отдохнуть. Между тѣмъ хозяйка наполняетъ котелъ водой, кладетъ на него мясо наполовину съѣденнаго животнаго и разводитъ огонь для приготовленія ужина»...

Стада прирученныхъ сѣверныхъ оленей составляютъ все богатство самоѣдовъ: олень ихъ кормитъ, одѣваетъ и возитъ. Это животное, какъ я сказалъ уже, хороводитъ всею жизнью самоѣда. Оно не требуетъ особеннаго ухода. Да и гдѣ самоѣду справиться съ огромнымъ стадомъ, въ которомъ иной разъ насчитывается тысяча слишкомъ головъ! Животныя свободно пасутся на моховомъ полѣ до тѣхъ поръ, пока весь кормъ не изсякнетъ. Тогда самоѣдъ разбираетъ чумъ, складываетъ въ сани свои пожитки и перебирается на другое мѣсто. Плотною массой идутъ олени на новое пастбище. Подлѣ нихъ пастухъ и десятокъ-другой собакъ, которыя стараются держать все стадо въ сборѣ: какъ только какой нибудь олень отстанетъ или уйдетъ въ сторону, собаки съ тявканьемъ бросаются на него и пригоняютъ къ стаду. За стадомъ плетутся сани, въ которыя запряжены олени. На однѣхъ саняхъ сложено хозяйство самоѣда; на другихъ расположилась его семья. Нашедши подходящее для стоянки мѣсто, скитальцы дѣлаютъ привалъ. Олени отпускаются на волю. Женщины разбиваютъ шатры, зажигаютъ огни и принимаются за свои повседневныя дѣла. А работы у нихъ не мало: нужно готовить обѣдъ, прибирать чумъ, присматривать за ребятами, чинить и шить одежду. Одежда эта, правда, не Богъ вѣсть какая мудреная, а все же нужно время, чтобы скроить ее да сшить, какъ слѣдуетъ. Куртка, штаны, сапоги, шапка—все это дѣлается изъ оленьихъ шкуръ, которыя сшиваются сухими жилами оленя. Такая одежда хорошо защищаетъ самоѣда отъ холода, ибо онъ носитъ ее шерстью къ тѣлу, а вовремя сильныхъ морозовъ надѣваетъ еще поверхъ нея осо-

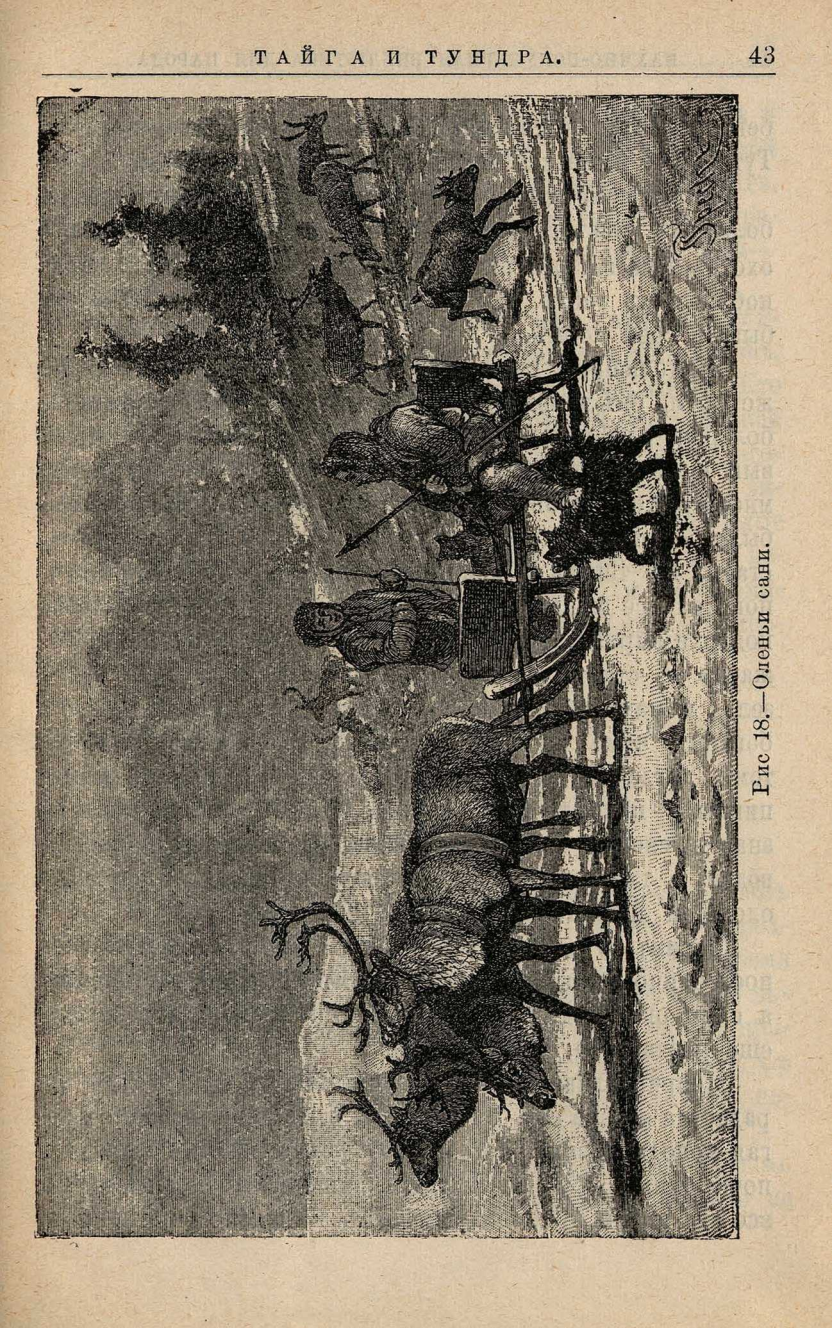


Рис 18.—Оленьи сани.

бенное пальто — по-самоѣдски *совикъ*—шерстью наружу. Тутъ ужъ, кажется, никакая стужа не прошибетъ его!

Лѣтомъ самоѣды поселяются недалеко отъ моря и устьевъ большихъ рѣкъ. Здѣсь они занимаются ловлей рыбы и охотятся на звѣря и птицу. Зимою же идутъ вглубь тундры, поближе къ тайгѣ, гдѣ въ это время оленямъ легче добывать свой кормъ.

Трудолюбивъ, выносливъ и честенъ самоѣдъ; но въ то же время онъ туповатъ, легко поддается обману и питаетъ большую слабость къ водкѣ. Этимъ пользуется его смѣтливый и хитроватый сосѣдъ, *зырянинъ*. Еще не такъ давно многіе изъ самоѣдовъ славились своимъ богатствомъ; у нихъ были большія стада оленей, по нѣскольку тысячъ головъ въ стадѣ. Но теперь съ каждымъ годомъ такихъ богачей становится все меньше и меньше; и всему тутъ виною ловкіе подвохи зырянъ. Не въ мѣру услужливый зырянинъ пріѣзжаетъ въ станъ самоѣдовъ, привозитъ съ собою бочку зелья и начинаетъ торгъ. Сначала онъ потчуетъ хозяевъ богатаго чума якобы по дружбѣ, на даровщину; а потомъ, когда тѣ порядкомъ подвыпьютъ, начинаетъ выманивать у нихъ то то, то другое. Пьяный самоѣдъ цѣны не знаетъ своему товару; ему лишь бы получить побольше водки, а тамъ—будь, что будетъ: все отдастъ,—и статнаго оленя, и драгоцѣнный мѣхъ пушного звѣря...

Такимъ-то образомъ богатство самоѣдовъ переходитъ постепенно къ зырянамъ и къ инымъ заѣзжимъ торговцамъ, а сами они бѣднѣютъ, разоряются и выглядятъ теперь еще несчастнѣе, чѣмъ раньше.

Непривѣтлива тундра, горемычна жизнь самоѣда, не радостна и вѣра его. Да и откуда быть ей радостной? Долгая холодная зима, метель и бѣшеная вьюга, безплодная почва тундръ, вѣчныя скитанія, лишенья и упорный трудъ, все это пріучило самоѣда смотрѣть на жизнь и на природу

по своему; иной, болѣе счастливой жизни онъ не зналъ и никогда, должно быть, не узнаетъ; иной, болѣе заботливой природы онъ не видѣлъ и никогда, конечно, не увидитъ. Вотъ почему весь міръ представляется ему такимъ же суровымъ и пустыннымъ, какъ и тундра, а создатель міра—гнѣвнымъ и злобнымъ божествомъ.

Самоѣдъ—язычникъ. Бога своего онъ называетъ *Нумой* и думаетъ, что Нума послалъ на землю злыхъ духовъ, которые причиняютъ человѣку одни лишь страданія. Кто создалъ волковъ и медвѣдей, которые преслѣдуютъ оленей самоѣда? Жестокій Нума. Кто посылаетъ на самоѣдовъ всевозможныя болѣзни? Кто доставляетъ имъ различныя лишенія и муки? Кто губитъ моромъ тысячи оленей? Злые духи—*тадебціи*—вѣрные слуги Нумы. Такъ думаетъ невѣжественный, обиженный судьбою самоѣдъ, и чтобы умилостивить своего грознаго бога, онъ молится ему и приноситъ жертвы...

VII.

Эскимосы.

Мы знаемъ, что и на дальнемъ сѣверѣ Америки, вплоть до Ледовитаго океана, находятся тундры. Лѣтомъ онѣ представляютъ собою болота и топи, а въ остальное время года это—почти сплошныя снѣжныя поля. Здѣсь также поселились люди. Ихъ называютъ *эскимосами*. Суровая природа и тяжелая жизнь изводятъ понемногу эскимосовъ. Съ каждымъ годомъ число ихъ убываетъ, и, быть можетъ, недалеко то время, когда ихъ вовсе не станетъ.

Жизнь эскимосовъ, ихъ нравы и порядки кой-въ-чемъ походятъ на то, что мы нашли у самоѣдовъ. Однако не

слѣдуетъ ихъ смѣшивать съ самоѣдами: это совсѣмъ другой народецъ.

Эскимосъ съ виду неказистъ. Роста онъ невысокаго, но коренастъ и крѣпко сложенъ; цвѣтъ кожи у него смуг-

Рис. 19.—Эскимосъ и его собака.

лый (темный), глаза—маленькіе, волосы—черные, торчатъ щетиной. Одежда эскимоса смахиваетъ нѣсколько на одежду самоѣда; и женщины, и мужщины одѣваются почти одинаково; разница лишь въ томъ, что эскимосскія женщины, подобно женщинамъ всѣхъ странъ и народовъ, не прочь пофрантить и украшаютъ свой костюмъ дорогимъ мѣхомъ или

хвостами пушистыхъ звѣрей; а кто побогаче, такъ шьетъ себѣ одежду изъ птичьихъ шкурокъ. Такія шкурки съ густымъ мягкимъ пухомъ и въ нашихъ странахъ цѣнятся дорого.

Во что же одѣвается эскимосъ? Нарядъ его состоитъ изъ куртки, широкихъ шароваръ и сапоговъ. Все это дѣлается изъ шкуръ дикаго оленя. Чтобы уберечь себя отъ холода, эскимосъ, подобно самоѣду, носитъ свою одежду шерстью къ тѣлу; поверхъ одной куртки надѣвается обыкновенно и другая, подлиннѣе и съ башлыкомъ; ее шьютъ шерстью наружу. Въ лютый морозъ, помимо всего этого, эскимосъ пускаетъ въ ходъ и шубу; такая шуба дѣлается изъ лисьяго или медвѣжьяго мѣха. Прибавьте къ этому еще длинныя мѣховыя рукавицы—и весь костюмъ эскимоса будетъ на лицо. Эскимосъ поневолѣ беретъ примѣръ съ пушныхъ звѣрей и кутается съ ногъ до головы въ теплые мѣха; иначе одѣваться въ тундрѣ невозможно.

Рис. 20.—Эскимоска съ ребенкомъ за плечами.

Нечего и прибавлять, что вся одежда эскимоса шьется женщинами: онѣ на этотъ счетъ большія мастерицы: иглой

имъ служитъ острая кость, а нитками—сученыя оленьи жилы. Голь, говорятъ, на выдумки хитра!

У обитателей сѣверо-американской тундры нѣтъ прирученныхъ оленей. Ихъ главное занятіе—охота на различныхъ звѣрей и рыбная ловля. Лѣтомъ эскимосы располагаются у морского берега, гдѣ строятъ для себя жилища по

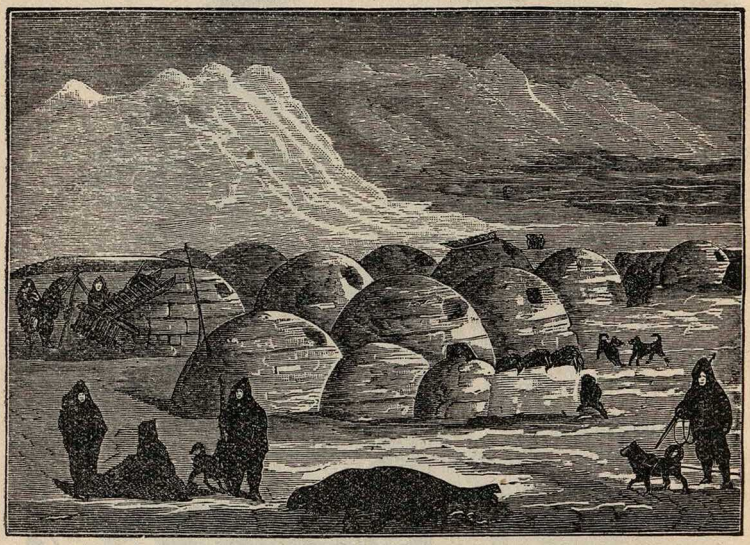


Рис. 21.—Жилища эскимосовъ, построенныя изъ льда.

большей части изъ промерзлаго снѣга или льда [1]). Ледъ колется большими четырехугольными кусками, изъ которыхъ складывается хижина похожая на опрокинутую вверхъ дномъ чашу. У мѣстъ лѣтней стоянки эскимосы занимаются ловлей рыбы и охотятся на тюленей, моржей и бѣлыхъ медвѣдей. Это самое пріятное для нихъ время: дичи много, охота идетъ успѣшно, пищи вдоволь, погода

[1]) У береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана всегда найдется и снѣгъ, и ледъ.

сносная, такъ что и кутаться не нужно особенно усердно; поэтому эскимосъ въ лѣтнюю пору сбрасываетъ съ себя свой зимній, не совсѣмъ удобный костюмъ и облачается въ легкую одежду, сшитую изъ тюленьихъ шкуръ.

Когда лѣто кончается, эскимосы оставляютъ побережья сѣверныхъ морей и идутъ обратно внутрь страны: тутъ находятся ихъ зимнія юрты. Эти юрты, по правдѣ говоря, походятъ скорѣе на звѣриныя логовища, чѣмъ на жилища человѣка. Строятся онѣ примѣрно такъ.

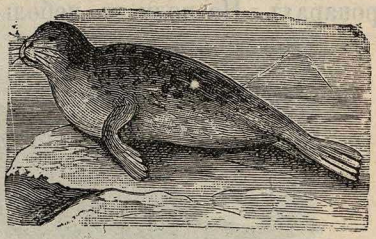


Рис. 22.—Тюлень.

Въ землѣ выкапывается яма, снаружи ее обкладываютъ невысокою стѣной изъ камней и торфа; крыша дѣлается изъ такого же матеріала. Чтобы въ юртѣ было тепло, эскимосъ затыкаетъ въ ней всѣ щели мхомъ, а затѣмъ прикрываетъ ее сверху еще землею.

Настоящихъ дверей такая юрта не имѣетъ. Вмѣсто нихъ въ юрту ведетъ длинный и узкій коридоръ, вырытый прямо въ землѣ. Войти въ такую дверь, стоя на ногахъ, рѣшительно невозможно: приходится ползти на четвереньках. Вмѣсто оконъ въ стѣнахъ юрты пробито два-три небольшихъ отверстія, которыя затягиваются пузыремъ: объ оконныхъ рамахъ и настоящихъ стёклахъ эскимосъ не имѣетъ никакого понятія.

Въ каждой юртѣ селится душъ десять или двѣнадцать эскимосовъ; если же семья не велика, то въ одномъ жилищѣ помѣщаются двѣ семьи вмѣстѣ. Полъ юрты устланъ мхомъ. Вдоль стѣнъ ея размѣщены большіе камни, прикрытые шкурами и мѣхомъ. Они замѣняютъ эскимосу и стулья, и столы, и кровати для спанья. Тутъ же, гдѣ-ни-

будь въ углу хижины, сложены и различныя хозяйственныя принадлежности—звѣриныя шкуры, топоръ, ножъ, лукъ, стрѣлы, рыболовныя снасти и т. п. Съѣстные припасы хранятся обыкновенно въ погребѣ, который вырывается въ одномъ изъ угловъ входнаго коридора. Въ юртѣ тепло, даже жарко, такъ что хозяева сидятъ въ ней почти всегда раздѣтые—безъ куртки, въ однихъ лишь шароварахъ. На полу, въ небольшой ямкѣ или въ чашкѣ, все

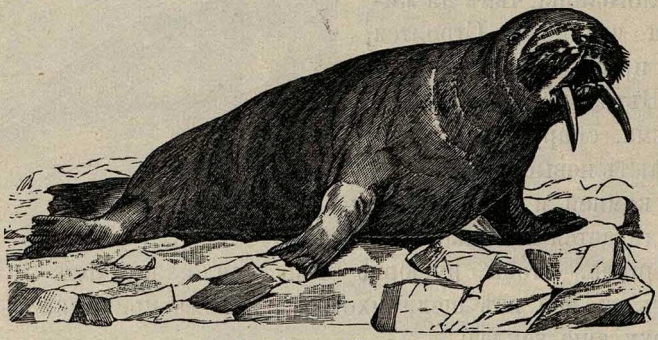


Рис. 23.—Моржъ.

время горитъ огонь. Дровъ тутъ не водится, и потому топливомъ служитъ жиръ и кости тюленей, моржей и китовъ. Въ юртѣ и грязно, и дымно, и душно, и неуютно. Но эскимосъ сроднился съ такой обстановкой и кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, коротаетъ дни свои.

Охота и рыбная ловля составляютъ, какъ я сказалъ уже, главное занятіе эскимосовъ. Они питаются рыбой и мясомъ овцебыка, тюленей и моржей. Мясо употребляется либо сырое, либо вяленое. Хорошо извѣстно, что во время холодовъ человѣкъ ѣстъ гораздо больше, чѣмъ въ теплое время года. Ну, а такъ какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ живутъ эскимосы, постоянная стужа, то и понятно, почему они ѣдятъ оченъ много: пища ихъ согрѣваетъ.

Охота на звѣрей доставляетъ эскимосу не только пропитаніе, но и все нужное для изготовленія различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Шкуры и мѣха идутъ на одежду; кости и жиръ служатъ топливомъ; изъ костей же дѣлаются ножи, топоры и стрѣлы. Впрочемъ, для этого эскимосъ пускаетъ въ дѣло зачастую и заостренные камни, обломки стеколъ и куски же-

Рис. 24.—Эскимосъ въ каякѣ.

лѣза, собирая все это на берегу моря. Разрѣзавши костянымъ или каменнымъ ножемъ тюленью шкуру на узкія полоски, эскимосъ дѣлаетъ изъ нея ремни; такіе ремни употребляются вмѣсто веревокъ.

Въ хозяйствѣ эскимоса непремѣнно найдутся и сани, и особенный, легкій челнокъ (*каякъ*).

Сани, которыя вѣрнѣе будемъ называть салазками, дѣлаются обыкновенно изъ громадныхъ моржиныхъ клыковъ и костей, переплетенныхъ ремнями; каякъ же выдѣлывается изъ дерева или китоваго уса; снаружи онъ обшивается тюленьими шкурами. Быстро, словно птица, мчится

эскимосъ въ утломъ каякѣ по гребнямъ волнъ, ловко работая весломъ: онъ отлично умѣетъ управлять своимъ незамысловатымъ челнокомъ и потому безстрашно странствуетъ по морю даже въ бурю.

Единственный вѣрный другъ, надежный сторожъ и усердный помощникъ эскимоса—это собака: другихъ домашнихъ животныхъ у него нѣтъ.

Большая, сильная и выносливая эскимосская собака дѣйствительно очень полезное животное. Она неприхотлива: живетъ—какъ придется, ѣстъ—что дадутъ, и, несмотря на это, до конца дней своихъ остается вѣрною рабой хозяина. На охотѣ она помогаетъ ему выслѣживать добычу, дома стережетъ его жилище, таскаетъ клажу, зимой и лѣтомъ возитъ сани, а на досугѣ мирно забавляется съ дѣтьми своего хозяина. Когда эскимосу приходится перебираться съ одной стоянки на другую, онъ собираетъ своихъ собакъ и запрягаетъ ихъ въ сани; три или четыре пары собакъ отлично справляются съ санями, на которыя наложенъ порядочный грузъ въ нѣсколько десятковъ пудовъ...

2007077079

КУРСЫ ПО БИБЛІОТЕЧНОМУ ДѢЛУ
М. Г. Н. УНИВЕРСИТЕТА
ПОГАШЕНО
ИМ. А. Л. ШАНЯВСКАГО

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ НАРОДА

В. ЛУНКЕВИЧА.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ.

1) **Земля.** Съ 27 рис. Ц. 14 к.
2) **Небо и звѣзды.** Съ 37 рисунк. Ц. 14 к.
3) **Громъ и молнія.** Съ 24 рис. Ц. 12 к.
4) **Жизнь въ каплѣ воды.** Съ 18 рис. Ц. 8 к.
5) **Невидимые друзья и враги людей.** Съ 28 рис. Ц. 16 к.
6) **Зеленое царство.** Съ 36 рисунк. Ц. 16 к.
7) **Вичи земли и чудеса природы.** Съ 26 рис. Ц. 16 к.
8) **Землетрясенія и огнедышащія горы.** Съ 34 рис. Ц. 25 к.
9) **Два великихъ царства природы.** Съ 92 рис. Ц. 25 к.
10) **Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ.** Съ 40 рис. Ц. 20 к.
11) **Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ?** Съ 33 рисунк. Ц. 16 к.
12) **Жилища и постройки животныхъ.** Съ 25 рис. Ц. 16 к.
13) **Семейная жизнь животныхъ** Съ 28 рис. Ц. 15 к.
14) **Общественная жизнь животныхъ.** Съ 24 рис. Ц. 12 к.
15) **Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата** (жизнь муравьевъ). Съ 12 рис. Ц. 15 к.
16) **Обезьяны.** Съ 16 рис. Ц. 15 к.
17) **Пчелы, осы и термиты.** Съ 16 рис. Ц. 18 к.
18) **Вода.** Съ 56 рис. Ц. 30 к.
19) **Подводное царство.** Съ 66 рис. Ц. 20 к.
20) **Воздухъ.** Съ 27 рис. Ц. 20 к.
21) **Степь и пустыня.** Съ 41 рис. Ц. 18 к.
22) **Тайга и тундра.** Съ 24 рисунк. Ц. 14 к.
23) **Среди снѣговъ и вѣчнаго льд** Съ 44 рис. Ц. 24 к.
24) **Четвероногіе и пернатые хищники.** Съ 31 рис. Ц. 18 к.
25) **Четвероногіе слуги человѣка** Съ 31 рис. Ц. 23 к.
26) **Враги и друзья человѣка.** С 56 рис. Ц. 28 к.
27) **Животныя-кровопійцы и дармоѣды.** Съ 24 рис. Ц. 15 к.
28) **Растенія-дармоѣды и растенія хищники.** Съ 25 рис. Ц. 15 к.
29) **Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія.** Съ рис. Ц. 15 к.
30) **Законъ жизни среди животныхъ и растеній.** Выпускъ первый Борьба за существованіе Съ 51 Ц. 24 к. Выпускъ второй. Взаимопомощь. Съ 17 рис. Ц. 12 к.
31) **Исторія происхожденія растеній и животныхъ.** Съ 18 рисун Ц. 18 к.
32) **Подземное царство.** Съ 84 ри Ц. 32 к.
33) **Исторія земли.** Съ 62 рисун Ц. 28 к.
34) **Каменный уголь.** Съ 39 ри Ц. 20 к.
35) **Нефть и соль.** Съ 35 рис. Ц. 20
36) **Сокровища горъ.** Съ 44 ри Ц. 26 к.
37) **Чудеса науки и техник** Вып. 1: Паръ и электричеств Съ 67 рис. Ц. 30 к.
38) Вып. 2: Книгопечатаніе.—Фотографія.—Фонографъ. Съ 35 ри Ц. 16 к.
39) **Чудеса общежитія.** Вып. Съ 114 рис. Ц. 35 к.
40) Вып. 2. Съ 24 рис. Ц. 20

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Микроскопическій міръ (Невидимое строеніе животныхъ и растеній).—2) Какъ р жаются живыя существа.—3) Мозгъ и душа.—4) Что такое наслѣдственность? 5) изнмъ и среда.—6) Откуда и какъ пошелъ на землѣ родъ человѣческій.—7) Особь, лонія и общество.—8) Растенія тайнобрачныя.—9) Какъ развивалась наука о жи Выпускъ первый: Сѣдая старина. 10) Какъ развивалась наука о жизни. Выпускъ второй Новые вѣка.